

Хен-Шира

ХРОНИКИ КЯНА:

плакса постоянно смеется

Хен- Шира

**ХРОНИКИ КЯНА:
плакса постоянно смеется**

«Автор»

2026

Шира Х.

ХРОНИКИ КЯНА: плакса постоянно смеется / Х. Шира —
«Автор», 2026

В новом сезоне Хен-Шира (Председатель Хен) представила пронзительный роман о судьбах Кяна и его дедушки Давида. Возможно, в иных жизнях они были возлюблёнными — мужчиной и женщиной, связанными любовью без имени, тянущейся сквозь века. Теперь Кян — крошечный человек-кукла с сознанием взрослого. Он находит Давида в северной стране, в заброшенном подземелье, распознаёт его среди отряда кузнечиков-золотоискателей и силой родственной любви возвращает ему человеческий облик — таким, каким тот был в прошлых и грядущих совместных жизнях. Роман глубокий, философский, многослойный; допускает разные уровни прочтения и исследует вечную связь душ, преодолевающую время и судьбу.

© Шира Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
***	12
***	16
***	17
***	23
***	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Хен-Ши́ра

ХРОНИКИ КЯНА:

плакса постоянно смеется

Солнце мелькнуло, выдохнуло остатние лучи и царским неспешным движением скрылось за горизонтом. Деревья недолго золотились, и одинокий дом, где ночью были неожиданные и привычные гости из зимы и туманов, погрузился в темнеющий и беспокойный сон. В сон — ожидание.

Внутри дома, где ночью мелькали темные фигуры и гомонили о производстве за широким деревянным столом люди с обмороженными лицами, играли сполохи уходящего солнца. Когда солнце ушло, на полу все ещё играли блики ясного света. Такой уж был дом. А производственная карта

местности осталась лежать на столе. Может, она всегда там и лежала. Смена суток для живых и мертвых особой роли в этих местах значения не имела. Барак, покинутый людьми и пришельцами, недолго остался в одиночестве.

Вечером того же дня, когда затихли золотистые поля и свернулись простолицы лютики, по первой вечерней росе пришёл один человек. Покинутые северные края обладают одним выдающимся очарованием — бодрствованием, смесью силы и кротости. Они, словно большое окно, за которым терпеливо и из года в год ждут всех. И на этот земной, понятный манок идут люди и звери. Человек поднялся в барак по деревянной неширокой лестнице, которая нисколько не одряхлела, а лишь

потемнела от времени. Дверь человеку была знакома с детства до каждого невидимого эластичного изгиба, но время, время прошло его лишь темнотой древесного покрытия. Некогда, в далеком детстве, он жил в этом доме.

Когда он приоткрыл дверь, на него глянули знакомые — незнакомые люди при свете керосиновой лампы. Дом оказался обитаемым, и вокруг людей клубился морозный пар. Лиц было множество, и они сидели, прижавшись друг к другу. Люди не обратили никакого внимания на человека и говорили на странном языке, и только тогда увидел человек их второе лицо. Лица людей таинственным образом перетекали в лица кузнечиков, за столом сидели обыкновенные кузнечики, те, которые прыгают в зеленой траве в теплое время года — летом.

Человек несколько не удивился, ведь он сюда вернулся, пришёл сумеречными дорогами в одно из своих тайных мест, где отсутствует время, испуг, удивление и бытовые привычки, под названием обыкновенная жизнь. Ведь почти вся жизнь — это хорошо налаженная бытовая жизнь.

Люди-кузнечики сидели за столом вокруг карты местности и о чём-то оживленно беседовали на своем жаргоне. Стрёкот стоял нешуточный, и по нему можно было выделить индивидуальный характер каждого. И голоса были различные: были тенорки, слышны были хриплые басы поживших людей и совсем юношеские ломкие голоса.

Человек, подойдя ближе, увидел, да, действительно, на столе лежала расстеленная карта местности, помеченная в некоторых местах синим химическим карандашом. Выпуклые глаза кузнечиков горели человеческим огнем, и движения лапок сопровождал трескучий жаргон. Жаргон то усиливался, то задумчиво приостанавливался, как бы размышляя.

Человек бегло сосчитал их количество кузнечиков, счет вышел чуть больше двадцати единиц. И все они сидели на тальниковых стульях. Размеры их тел не имели значения. На взгляд человека, они всё же имели вполне человеческие очертания и средний неплохой рост. Кроме лиц и конечностей. Наконец кузнечики увидели, вернее, почувствовали появление чело-

века. Наступила выжидательная тишина. И погасла их зелень лиц и конечностей, и только один, видимо, самый главный, продолжал отливать природным костюмом. При свете керосиновой лампы он весь сверкал как королевский изумруд¹.

(1. В Каббале изумрудный цвет часто ассоциируется с высшим пониманием с Биной (Бина— одна из десяти сфирот.)

— Я попал в царство необыкновенных кузнечиков, в царство божьих посланцев, у них сейчас нечто вроде собрания или фарбрэнгена² или встречи глав семейств, — быстро смекнул человек и не успел донести до глубины сердца, как услышал приятный голос, идущий из глубины сверкающего королевского изумруда—кузнечика.

Голос оказался необычайно приятным и с мужским достоинством.

— Добро пожаловать к нам, — просто сказал он.

В тот момент человек понял, что он был один все это время. Никаких кузнечиков не было, а он стоял посреди комнаты родного дома наяву, и что он попал в один из детских ветвистых и сладких снов, которые ему снились время от времени. Сон, который, однако, продолжается с ним уже наяву и сейчас. И, действительно, вот только сейчас поднимается по лестнице родного дома, вот он входит, в дом, который остался много десятилетий назад за его тогдашней юношеской спиной. Человек ищет глазами метку роста на притолоке двери, свою метку, метку братьев и сестер, идущих вслед за ним по году рождений. Видит ничуть не присевшую от времени бело-голубую печь, а за ней длинный и широкий обеденный семейный стол. Во главе стола должна сидеть мать в величавой красоте хозяйки дома, а на противоположном конце стола — отец. Все правильно, и вся обстановка и убранство дома сохранилась на своих местах в зачарованном порядке, ожидая дорогих детей. Деревянные шкафы и детские кровати остались стоять на своих местах, и комната родителей тоже соответствовала образам детских воспоминаний.

Человек присел к столу и обратил внимание на оставленную карту, будто специально оставленную производственную карту. Карта была датирована: «1947 год, СССР». На обратной стороне химическим карандашом была нарисована другая карта, обозначенная четкой синей краской и геолого-разведочной твердой рукой места пролегания ценных металлов, видимо. Она

² Фарбрэнген (идиш — это традиционное хасидское собрание, которое объединяет в себе совместную трапезу, душевное общение и духовный подъем.

представляла собой карту определенной местности, с краткими надписями, терминами, датами, скрупулезно и остро вбитыми несмываемой синей краской.

Отложив карту, человек подходит к знакомой до счастливого вздоха, родной печи, тихо гладит, открывает дверцу и видит, что некто неожиданный и прекрасный, начинил печь дровами и даже подложил бересту — сухую березовую кору для растопки, для первой искры огня — бога северян.

— Не пропадает неизменный обычай северян, — и от радости, и покоя даже напел вслух эти слова человек и растопил печь. Сухие дрова загудели, взялись от огня за минуту в печи, и человек присел перед печкой, и некогда светлые юношеские волосы отсвечивали серебром ясного и целомудренного света из приоткрытой дверцы печи.

— Я сижу совсем как мать, мои плечи и спина отдыхают только перед печью. С годами все больше становлюсь похожим на мать, — и едва не прослезился, пожелав, чтобы хотя бы на миг промелькнула мать перед ним наяву.

Да почему прослезился? Он заплакал от души, а человек был скрытых эмоций. Профессия обязывала, профессия военного летчика в прошлом, по внешней стороне жизни, а изнаночная сторона жизни его родила сновидцем, редким сновидцем. Хотя с ним уже случилось чудо — он во сне набрёл на дом своего детства. Если жизнь — это всего лишь сон-симуляция, то почему бы в её многочисленных вариантах и изломах не попасть в свои измерения?

Долго ли, коротко ли, человек сидел перед затухающей печкой, туманы сумерек установились за окном, наступал час второй летней росы. Невдалеке заухал полночный лунь — охранник беспредельной тайги и далекой реки. И вдруг чуткое летчицкое ухо уловило шум — шелест поднимающихся трав.

Шепот поднимающихся густых трав знают лишь северяне, он ни с чем не сравним, как жители морей и океанов слышат вздохи водных пространств. Человек вышел на крыльцо и увидел, как бурно поднимается трава перед домом, за хозяйственными пристройками из детства, за отдаленным амбаром, над тайным ледником под землей, где хранились продукты, всюду шевелилась и крутилась трава, травы.

Солнце давно скрылось. Вместо него и ушедшей луны само небо светило перистыми облаками, поэтому было светло и молочно. Травы играли насыщенным глубоким светом и отливали росным сиянием, и среди буйства красок слышалось яростное шипение кузнечиков.

— Кузнечики... Кажется, я видел их сегодня? — человек замер, чтобы убедиться в своей догадке. Сомнений не было: неспящие кузнечики скакали в сторону его дома. Их яростный жаргон приближался и будоражил окружающую природу. Затихла сова.

Сквозь зеленую завесу трав и уснувших цветов, сквозь бритвенное сияние резкой растительности, при сеющем свете неба, мелькали блестящие тела гигантских кузнечиков. Впереди них двигался прозрачный маленький человечек, навскидку двадцати-тридцати сантиметров ростом. С каждым шагом он становился плотнее, телеснее, уже четко были видны руки-ноги и очертания кукольной головы. Не уродливый карлик, а настоящий маленький человек с соразмерным телом ослепительной красоты. Даже при сеющем белом свете ночи было видно, насколько он неописуемо хорош собой истинной человеческой красотой. Похожий на ожившую куклу из другой реальности, из ожившей грезы. Человек все ещё стоял на крыльце и видел мельчайшие подробности травяных насекомых. Да, пришли, а не прискакали настоящие кузнечики во главе с крохотным человеком. Поле двигалось под их ногами, а человек качался от сырости и неправдоподобности происходящего.

Кузнечики, не переставая скрежетать свою волю, вышли из поля и зеленой волной приближались к крыльцу. Тем временем происходили изменения и в окружающей природе: край неба осветился от постепенно зажигающихся огней из ниоткуда, и близлежащий лес, как бы постепенно выступающий треугольником, охраняющий их укомный хутор, хутор человека, зашумел звуками запускаемых механизмов — тракторов, грузовых машин и далекими криками человеческих голосов.

Лесная окраина оказалась обитаемой. И поле будто выдохнуло, зашелестело напоследок за последними кузнечиками и человек увидел, как все они превратились в людей. Они постепенно стали превращаться в людей, эти кузнечики, сначала появились неясные очертания тел просто людей, затем ночь одела их в рабочие одежды, а именно в телогрейки, и на руках оказались кирки.

Кирка — это ручной ударный инструмент для тяжелого физического труда, которым долбят землю, и для забоя в шахтах, чтобы резкими и сильными ударами выдолбить драгоценные металлы, чёрный уголь для народного хозяйства.

Человек стоял и вслушивался в новый мир всем своим хорошо натренированным и организованным телом. Единственным телом, которое подарила ему судьба.

Северные расстояния — это не вздохи под луной. Близкое может оказаться далеким, но далекое никогда не бывает близким. Следуя этой логике, люди из поля все шли и шли к дому уже долго по привычно протоптанной траве. На небе вовсю теперь блистала переливчатая луна, а люди топтали блеск жидкой луны и переговаривались рабочими голосами, будто шли на первую рабочую смену на свои заводы или шахты. Только человек-кукла оставался неизменным. Теперь он держал в руке детскую деревянную игрушку — лошадку.

Человек не знал, как реагировать на ночных гостей, но осознал, что дом его детства принадлежит и им, и подобным гостям. Поскольку время не терпит пустоты, он был даже рад, что дом обжит, и, возможно, потому не развалился. Чтобы почувствовать, что не во сне он, стал тереть свои руки друг об друга. Руки слушались, тело полностью подчинялось законам природы, и человек понял, что он находится в одном из реальных миров. Дом детства, куда он пришел, и дверь, которую он открыл своими мясными и уже без возраста руками, принадлежат ему, сколько бы времени ни прошло.

Вот он снова поднимется в который раз по лестнице, как во сне наяву, и вспомнил, что вокруг их хутора были расположены многочисленные исправительные северные лагеря, принадлежащие всемогущему Дальстрою.

— И местность наша называется Колыма, сынок! вдруг крикнула сова, до этого ссорившаяся в деревьях и которая ухала в том, в первом сне.

Но показаться не пожелала, тварь лесная. И человек знал, что давно прекратили своё существование и исправительные лагеря, и родина, которую он помнил. И, в подтверждение этому, он вспомнил, что добрался до дома по памяти сердца — через поля, тропки и по пению птиц. По солнцу, как сказали бы таежники, и да, по солнцу. Ведь сердце памяти и есть настоящий компас, который никогда не подводит.

Когда люди приостановились перед крыльцом, увидев его, опять же вперёд выступил маленький человечек-кукла.

— Я Кян, — и протянул свою маленькую руку для пожатия.

Тогда человек, по родительскому инстинкту, просто взял его на руки и удивился ни с чем не сравнимой младенческой тяжести. Не стал здороваться. Он был родителем и знал младенцев по весу, кому сколько месяцев или лет. Кян пухлой ручкой указал на дверь и даже прищипорил для верности. Человек немедленно повиновался по родительской памяти и снова вошёл в свой дом.

За ним, как по команде, повалили в дом люди в рабочих одеждах, так и не выпустив из рук свои инструменты. Для недавних кузнечиков выглядели очень даже неплохо. Разве только очень и даже чрезмерно утомленными. Едва войдя в дом, человечек спрыгнул с рук и радостно произнес:

— Да, да, снова, снова! — на что старые бревенчатые стены ответили скрипучим полувсхлипом-полустоном. И ещё раз повторил:

— Я — Кян, меня так зовут и называют. И я настоящий. А вот, они — нет, — он указал на свой отряд и добавил, — они кузнечики сейчас, но были людьми когда-то, а некоторые — очень давно.

Не успели слова Кяна заглухнуть в лучистой темноте, как лежащая на столе карта встрепенулась и зашелестела страницами, словно живая. Будто по

комнате прошелся ветер ожидания и сильной тоски. Будто невидимая рука, либо ветер сильной тоски, приподняли карту над столом, и, выждав небольшую паузу, положила обратно на место.

— За этой простой бумагой, за этой картой стоит жизнь всех этих людей, которых ты сейчас видишь, — сказал Кян.

Люди вздохнули и обнажили головы, а головы оказались покрыты инеем. Несмотря на счастливое лето снаружи, они оказались одеты по-зимнему. В шапках-ушанках и в чем-то наподобие кирзовых сапог.

— Они работали здесь, затем умерли. Умерли все, — сказал Кян.

Люди снова вздохнули и как-то разом вдохнули сгустившийся воздух жизни и смерти. И стояли молча, опустив головы. Человек заметил, что все они были очень коротко острижены.

— Чтобы не завелись вши, — снова пояснил Кян, опередив вопрос и подтвердив догадку человека. — А ты зачем здесь?

Голос Кяна зазвучал в остывающем доме. Холод наплывал из ниоткуда и в то же время отовсюду, и было понятно, что этот вопрос не требует ответа со стороны человека.

Дом совсем недавно был тёплым, жарко протопленным, с распрямившимися от радости встречи стенами детства — уютным прибежищем после долгой дороги. Человек опустил в мягкую перину очередного сна и увидел, как весь дом его детства исчезает.

Напоследок перед глазами мигнули дверь, косяк двери с цифрами — метками роста его самого, братьев и сестер. Мелькнуло синее в горошек платье матери — без самой матери: просто ткань пролетела в воздухе, и тепло её тела на миг обдало его с ног до головы.

Дом с морозным шипением стал расширяться, по углам выступили снежные наледи.

Люди-кузнечики — их было уже около полусотни, откуда только взялись остальные, сбились в одну тесную кучу. Дрожа от внутреннего холода, который, видимо, их ни на миг не отпускал, и от холода внешнего, они пытались согреться теплом товарищей. Кое-кто снова попытался стать кузнечиком и заскрежетать на своем жаргоне, но товарищи зашикали на него, не давая ему ускакать и замерзнуть в адском холоде в одиночку, и он пристыженно и благодарно замолк.

Вдруг из толпы жмущихся друг к другу людей, получив первую порцию тепла, вышел носатый старик, которого Кян называл дедом. Он направился уверенным шагом к печи и растопил её дровами, заготовленными загодя чьими-то благодарными руками. Дрова ловко и радостно вспыхнули в объятиях сухой и нежной бересты.

Появились из ниоткуда тальниковые стульчики — нехитрые, прочные северные сиденья. Люди присели вокруг стола с картой. Огонь от печи хорошо освещал их лица.

Постепенно установилось тихое тепло, в котором костям было хорошо. И люди начали разговаривать оттаявшими губами и сердцами, и вспыхнули мягким светом их разноцветные глаза. Кян понимал этот язык, он всегда был в нем, хотя и не помнил, когда в последний раз пробовал его вкус своими обветренными и всегда алыми, как сама жизнь, губами. Было давно и совсем рядом.

Человек же остался стоять немым свидетелем — невидимым для всех, кроме Кяна. Он оказался в смежной сквозной комнате. Его живое дыхание улавливали кузнечики — нервно трепетали бывшими усами, ставшими теперь человеческими носами.

Ещё человек видел, как под телогрейками они шевелили остатками крохотных крыльев. Спины их в районе лопатки вздрагивали нервными отростками.

Я называю этого человека без видимого возраста дедом, дедушкой. Потому что он и есть мой дедушка — один из моих настоящих земных дедушек из тёплых краев. Мне говорили, что его кости давно истлели в этих северных землях, смешались с корнями трав и драгоценностей. Тем не менее я давно его знаю: он всегда был рядом, несмотря на то что его время давным-давно прошло и не осталось людей, помнящих его хотя бы отдаленно. Но я-то есть. И я познакомился с ним, скажем так, позавчера в «отряде кузнечиков». Я сразу узнал, выделил его по смеющимся навстречу мне глазам, по семейному смеху при виде меня. Родня есть родня. Он, конечно, попытался приобнять меня тоненькими лапками, но это было несерьезно — объятия кузнечика. Я сам его приобнял, очень осторожно, чтобы не переломать его последний облик. И вот, он в доме — почти человек и говорит неправдоподобным для человека речевым аппаратом. Он смешной, он добрый, с человеческими реакциями. Но всё-таки, у него настоящая челюсть травяной твари. Я смеюсь ему в ответ от природной доброты и любви, и в ответ получаю свой смех. Наши горловые аппараты одинаково вибрируют смехом.

— Ты что-то сказал, паренек? — спросил дедушка смешным голосом по-человечески. Люди-кузнечики как по команде повернули головы на голос лидера-деда и окончательно превратились в людей. И я увидел людей разных возрастов, национальностей, молодых и старых, красивых и не очень. «Как же меняются события», — подумал я.

— Как долго ты здесь находишься, деда? — с любопытством разглядывая весь его облик, спросил я. Я уже входил в новую систему отношений «дедушка – внук».

— Давно, — буднично ответил дедушка. Его речь вполне выровнялась, голос был быстрый, что называется темпераментный и приятный.

— А сколько тебе лет? — продолжал я.

— Я разный, — и рассмеялся совсем молодым смехом. — Увидишь в своё время каким сюда попал и когда превратился в местного... И люди подхватили как эхо: «Мы местные... в местного... в непостоянного».

Дедушка царственным движением указал на товарищей и объяснил, что все они — кто давно, кто недавно — вполне привыкли к новой системе кровообращения, света и тьмы. И бодрствования, конечно. А главное — они хорошо переносят устойчивые морозы. «Потрогай меня, я весь ледяной, — и я ощутил холод его тела под телогрейкой. — И мои товарищи — не горячие ребята». И, действительно: у людей-кузнечиков тела остались телами холоднокровных насекомых, хотя лица... лица были человеческими.

Я был окружен приятными человеческими лицами; разного размера носы, и разноцветные глаза с симпатией пожирали мой прекрасный облик, нисколько не похожий на их.

Оказывается, даже у насекомых виден возраст. По ломким и быстрым движениям, по неуловимым признакам юности и свежести взглядов я

определил средний возраст присутствующих: от двадцати до пятидесяти. Самому старшему было около пятидесяти, старше, видимо, не выживают. Один, на вид двадцатилетний, оказал мне знак внимания: как самый расторопный и быстрый, он пододвинул поближе тальниковый стульчик.

Холод, слоями струящийся по поверхности дома, стал убывать. Люди оттаяли и лицами похорошели. Тогда дедушка обратился ко всем присутствующим и, ни на кого не глядя, сказал в пустоту: «Готовы ли вы к труду и преображению?» Воздух задрожал тёплыми волнами многочисленных голосов: «Да!» И в доме стало окончательно тепло. Карта снова раскрылась, на ней проступили метки и знаки. Пахнуло счастьем и отсыревшей бумагой. Карта вдруг замерцала разноцветными точками, полыхнула мягким, как северное сияние, огнем — но только без неба.

Кузнечики сгруппировались вокруг карты и стали говорить на человеческом жаргоне.

Мой дед быстро-быстро говорил с ними и нервно указывал в сторону спящей природы за домом. Затем, обернувшись ко мне, сказал:

—Мы сегодня с тобой, внук мой, пойдем по землям золотой жилы. Покажем тебе тайные залежи кладов и подземных богатств.

Ты только не бойся, я буду рядом. И буду часто менять свой облик по обстоятельствам. А когда придет время расставаться окончательно, я покажу тебе свой настоящий облик: истинное лицо и фигуру тела, с которыми когда-то попал в эти края. Понял? Я молча кивнул в знак согласия, но в сердце некто — то есть я сам — тихо заплакал.

В это время от стен отделился человек с современным лицом. Его лицо не напоминало ни лица моего деда, ни лиц его друзей. Истинный человек. Крепкий и хорошо кормленный — в отличие от моих кузнечиков. Он нес в руках небольшую блестящую сумку. От толпы отделились десять человек, включая моего деда. Они вынули из сумки темные коробочки с кожаными ремешками; каждый молча обмотал левую руку, приладил коробку на лбу и встал в ряд.

Раскачиваясь, они стали произносить слова молитвы — как я понял, поздней молитвы в этот поздний-поздний, вроде бы летний вечер.

Я знаю, что такое молитва, всю жизнь молился на разных языках и по разному поводу, правда, все забыл, забыл...

Голоса стали гибкими и окрепшими; казалось, от стен дома им вторит ещё множество голосов незримых теней. Бабочки темного света заматались по полу, по стенам. Я метался в такт голосам от радости и даже хлопал в ладоши. Восторг и счастье обвили мне горло, как шелковый платок, пахнувший хорошими духами — современным парфюмом.

Я с родительской гордостью смотрел на этих разумных кузнечиков, земляков по рождению на этой земле. Я чувствовал себя их отцом — сам не знаю почему. И человек, отделившийся от стены, тоже, оказывается, молился. Как он попал сюда? Почему он настоящий человек, в отличие от этих травяных обитателей?

Дед, словно догадавшись, о чём я думаю, поднял зеленую лапку и с улыбкой оглянулся на меня. Повернул голову, посмотрел исподлобья и улыбнулся своими зелёными огоньками. Я ведь тоже так улыбаюсь на молчаливые вопросы — с таким же наклоном головы. Он поднял лапку и изобразил цифру три. Вслед за дедом остальные тоже показали цифру три. Они прекратили качаться в такт молитве, отступили назад мелкими шажками и, выждав некоторое время, вернулись в изначальное положение — такими же тихими, кроткими шагами.

Тогда человек из угла так же молча забрал молитвенные принадлежности и, не говоря ни слова, удалился в свою тень и исчез, пропал, будто его никогда не было.

В это самое время за столом происходили другие действия. Помните, я упоминал ещё об одном человеке, который спрятался в соседней комнате? Не

как соглядатай, а исключительно от неожиданности нашего появления, вынужденно и поспешно скрывшись. Я сразу понял, что он местный, коренной. Из этого самого дома. Оказывается, он уже давно вышел из своего укрытия и наблюдал за остальными. Кузнечики сидели плотно, касаясь друг друга плечами, и играли в кости — в дайсы, по-современному.

Карта местности спокойно лежала на краю стола, мерцая точками в определенных местах. Кузнечики не видели этого человека, но он видел всех нас. Видели его я, мой дед и парень, который мне подал стул. Он быстро-быстро подбежал к карте и передал её деду. При беге его ноги неестественно выгибались в разные стороны.

—Цодек, Цодек, га си скорость, — негромко рассмеялся дед и подозвал его к себе. Человек несмелыми шагами приблизился, его глаза были полны детских слез.

— Я только что увидел промельк матери... её праздничное платье, — сказал он голосом, похожим на глоток чистой воды.

— Не печалься и не плачь, — успокоил взрослого мужчину мой маленький дед (хотя он, наверняка, тоже был взрослым когда-то). И, не оскорбительно показывая мне на при-

шедшего, добавил: «Этот человек непрост. Он прибыл из сложных мест, где высота и опасность. Однажды он оглянулся назад — и стал думать о доме своего детства годами. Возможно, вправду в него и попал».

При этих словах, человек кивнул в знак согласия, вытер слёзы и улыбнулся — очень милой улыбкой, совсем как ребенок. Это вовсе не вязалось с его взрослой, использованной временем внешностью.

— Он проделал очень длинный путь в пространстве, путь во сне, — продолжал дед. — Посмотри, как разбиты его ноги. Он видит сон, и мы присутствуем в его снах так же, как и наяву. Тело его сейчас здесь, но его «второе», настоящее тело — в другом мире. В мире живых, детей, внуков. Он спит в благополучном большом городе. Он появился здесь с определенной целью: призвать всех нас, — дед снова указал на друзей, — и придать вдохнуть в забытую карту новую жизнь. Чтобы труды наших братьев, оставшиеся в том отрезке времени, не пропали даром. Много людей здесь перебивало. Видишь эти точки? Они, эти точки — наш путевой лист, маршрут на сегодняшний день. Сейчас уже полночь, которая для нас ничего не значит. Смотри! — дед вскинул руки (с этого момента я буду называть его лапки руками), и вдруг плавно раскрылась крыша дома. Она будто сместилась по дуновению ночного нешумного ветра, и кузнечики вновь заскрежетали на своем жаргоне. И было от чего! Над нами висело небо, купающееся в отмытых звездах. Дочиста отмытые звезды веселились, перемигивались и посылали игривую любовь всем поднебесным существам. А по бокам неба висели две луны: одна сиреневая, а вторая — обычная — белой таблеточкой выглядывала с пятнами внутри от разлитой воды. Вторая луна, необычная — она из снов человека. Она называется луной ночи самоцветов и золота, и сегодня мы идем вместе с этим человеком за ней, по примятым следам его ног.

— Ты знаешь, кто такие маркшейдеры? — вдруг он обернулся лично ко мне (до этого он говорил, обращаясь ко всем), и сам же ответил, — маркшейдер — это специалист высокого уровня. В переводе с немецкого это слово означает мастера по картам и схемам горной и подземной промышленности, если коротко. Хорошее немецкое слово. Так вот, если вкратце, мы все здесь — маркшейдеры. И мы об этих землях знаем все: где и что скрыто под землей.

Речи деда иногда прерывались странным скрежетом — видимо, так звучал дружный смех товарищей. Некоторые подпрыгивали от высшего одобрения, другие вытирали лапками выступающие слёзы-смешинки. А звезды и небо видели под этим вечным сводом всякое; им не в новинку было взирать на малый отрезок маленькой жизни в огромной северной стране в самый разгар полночи.

Я мысленно обнимал и небо, и воздух, и ставших безопасными друзей деда, и самого деда, конечно. А теперь я хочу деликатно представиться от третьего лица — не потому, что смущен, а таков закон моего жанра: хроника диктует следовать по канве моих собственных следов.

Кто такой Кян? Можно сказать, что Кян — человек-кукла. Тотально живой, рожденный некогда обычными родителями и запущенный в жизнь, как маленькая и бесстрашная ракета. Носитель многих времен в себе и на себе, он выглядит как очень красивый молодой человек. И в чертах лица, и в самой ментальности (он твердо знает, что латинское «mens — mentis» означает ум, мышление и рассудок) проступают этнические черты того народа, среди которого он снова появился.

Как я уже упоминал, Кян ослепительно красив, но кажется немного обессиленным от своей инаковости и от тех обязательств, что принял на себя, будучи в других мирах. Ведь земель, подобных этой, великое множество.

Словом, он рождается как странник, скрытый труженик чего-то более высокого, чем простое исполнение обычных заповедей различных религий. Кян прекрасен ещё и своим физическим здоровьем. Ему благоволит сама жизнь, ведь здоровый человек может все и обладает всем, что она дает. Время для него течет обособленно, так как он пребывает во всем и в каждом, видя людей в их истинном свете. Люди для него — это и слякоть, и океан, и суша, и горы, и букашки, и травы; это нераскрытая тьма в живых и мертвых, и, собственно, краткое долголетие ввиду конечности всего сущего. Кроме того, Кян очень любит детей. Ведь, в конце концов, именно интерес и любовь к детям притягивают души Кянов в этот мир. Итак, продолжим хроники Кяна и его дедушки.

После завершения молитвы человек из комнаты — сновидец — молча пригласил всех присутствующих следовать за ним и вышел из дома. Тотчас же все кузнечики вскочили со своих мест, проворно встали на ножки-пружинки и зашелестели за ним живой зеленой стружкой. Шуршащий быстрый поток увлек за собой и Кяна. Последним усакал Цодек, и за ним сама собой деликатно закрылась дверь.

Подул особый ветер, и дом начал бесшумно таять, уменьшаясь в размерах. Его будто поглотил молочный туман. Он клубился, словно дыхание лошади в пятидесятиградусный мороз, но затем неожиданно вырвался из марева и почернел от тепла летней ночи. Углы постройки «оттаяли», и дом превратился в обыкновенную заброшенную хибару посреди тайги, каких много в этих местах. Я видел печальную обреченность: скоро он рухнет и сравняется с землей. И когда поглотила земля его, из-под нее ещё долго раздавались крики-воспоминания.

Человек даже не оглянулся на дом своего детства: в его личных снах уже была заложена программа — продолжать путь, переходя с уровня на уровень. Я думаю, нежные капли сердечной тоски испарились сами собой по мере его движения и погружения в новые занятия. Такие чувства мимолетны и не оставляют следа после забытых снов. Разве что остается едва уловимый привкус некоего тайного знания или ощущение того, что все это уже было пройдено когда-то — в далеком прошлом или в грядущем будущем.

Итак, он вошёл в темень поля. Его следы, оставленные по третьей росе, напоминали маленькие темные ямки, по которым прыгали кузнечики, опытные в ночных приключениях. Мы с дедушкой шли вровень. Сперва я хотел взять его на руки, но он не дался — напротив, дед оказался на редкость крепким ходоком. Как ни странно, кузнечики не отставали: они передвигались со скоростью взрослых мужчин. Казалось, они даже не прыгали, а просто перемещались каким-то непонятным образом. Видимо, сказывались годы скитаний, путешествий по травам, долинам и таежным дебрям. Вернемся к деду. Наоборот, это он протягивал ко мне тонкие руки: перепрыгивал

невидимые кочки и приминал самые острые кусты, чтобы мне не было больно, чтобы они не ранили, не кололи моё тело. Создавал вокруг родственную суету. Долго ли, коротко ли, но мы шли, шли и шли, пока человек не остановился посреди поля. Он позвал моего деда, назвав его бригадиром, а затем произнес его имя. Я назову его позже, моими собственными устами и в более торжественной обстановке.

Мы замерли в одиноком поле. Казалось, весь мир застыл в ожидании чего-то необыкновенного. Кузнечики разом склонили головы и обхватили многотрудными руками свои шапки-ушанки. Лишь мой дед не последовал их примеру. Он вглядывался в меня крохотными зелёными глазами и едва слышно шептал: «Ай-ай, Кян, Кян... какой же ты Кян». Человек исчез — вернее, вошёл в туман и не появился, хотя я откуда-то знал: он ещё выйдет. Мы ещё увидимся в час рассвета. А потом, спустя много лет, он упадет и умрет мгновенно.

Краем уха я ловил в воздухе обрывки речи на разных языках; шум приближался, подобно тонкому шепоту крыл неведомых птиц. Невидимые птицы, однако, не были птицами, невнятные темные фигуры, сквозь туман проявившиеся через некоторое время, как фотографии, через проявитель, оказались людьми. Наряду с ними, явственно слышались звуки машин, шумный туман с эхом движения машин, и заработавшей техники, топота копыт лошадей, и вдруг туман рассеялся и из него вышли, выплыли из белесых остатков, из светлой пелены, улыбающиеся люди разных возрастов. Нарядные люди, с ищущими своих, улыбками.

Люди, кузнечики и исчезающие тела тумана смешались в одну кучу. Только я, дед и человек остались стоять наособицу: нам некого было встречать или выудить из этой многослойной нарядной толпы. Люди обнимались с кузнечиками, плакали и смеялись, перекликаясь на разных языках. Я перекачивал эти звуки в своем сердце, и оно радовалось за них. Снова слышался шум, похожий на треск крыльев, взметнулись вверх мохнатые длинные тени — и все исчезло. Исчезли улыбающиеся люди, а на месте кузнечиков остались лишь оболочки людей в одинаковых летних одеждах. Рядом со мной стоял мой дедушка. Он преобразился в юношу не старше двадцати лет. Знакомые глаза, прежде выглядывающие из-под маски кузнечика, теперь стеснительно улыбались. В предутренней мгле я не разобрал цвет его глаз, но это было неважно. Темный костюм — вечная классика вне моды и времени — сидел на нем безупречно и сочетался с небольшим головным убором на голове. Лицо его, ясное и радостное, словно лик благородного принца в старинной раме, светилось весной. Возможно, дед в глазах своих товарищей выглядел так же, как и все они, и лишь мне он открыл свой истинный облик. Ведь здесь все были в одинаковых одеждах — и все равны.

Человек же оглядел оболочки людей и коротко скомандовал: «За работу, время!» Он постучал по запястью, ещё и добавил значение времени рукой, взмахнув ею по сторонам. Люди привычно распределились по парам, и мы с дедушкой встали в середине колонны. Я решил быть с ним до любого конца.

Ночь-властительница убывала, унося с собой звезды. У наших ног оказались орудия труда: все те же кирки, кайлы и лопаты. Будто некто неведомый принёс их сюда — а может, нанесло за ночь или добрые люди из тумана... Но думать было некогда. Впереди шумела река; в самой её середине, купая своё тело, выпрыгивал отражением остаток луны. Птицы ещё спали, подчиняясь природному ритму, и только мы, полночные работники, вышли на свежий воздух ради дела.

С реки уже доносился гул техники. Услышав его, кузнечики не побежали, а напротив — расслабились, обретая уверенные движения людей, которые хорошо знают своё дело. Человек, по ходу движения, представился Иваном. Он достал из рукава гибкую тонкую веточку и заученным жестом направил к земле. Палочка медленно пошла впереди него. Дед шепнул:

— Эта ивовая лоза — умная девушка-охотник, она знает, где прячутся жирные фазаны.

Я сразу смекнул: «фазаны» — это драгоценные камни.

Лоза Ивана вела нас точно по маршруту, не сворачивая ни вправо, ни влево, а следом за ними повалила и вся серо-зеленая толпа. Мы вышли к обрывистому берегу широкой реки. Лозоходец подвел нас к самой кромке, и люди молча, сосредоточенно стали бить кайлами вдоль расщелины, уходящей в сторону тайги. Со стороны казалось, что они просто ссыпают землю вдоль берега. Тем временем к нам приближалось судно — не то катер, не то вместительная машина с водочерпалкой.

— Водочерпалка, она же ковш, а в целом называется драга, — утренним рабочим голосом объяснял мне дед.

— Она не только «бьет по лицу реку», — со смешком добавил он, — она черпает породу (землю) и промывает её в механическом лотке. На дне лотка и остается золото — если, конечно, оно попало с божьей помощью.

Я вздрогнул: это выражение я уже где-то слышал, а может, и сам произносил? Эти земли были новыми для промышленности, ещё не известными широким массам, но сказочно богатыми золотом — и рассыпным, и кварцевым.

— Ну, идем-идем, — позвал дед.

Мы присоединились ко второй группе, которая уже «разбудила» цветочную землю. Цветы ещё лежали в своих колыбельках-коконах, не успев проснуться. Земля под ними была мягкой, податливой и душистой. Третья же группа незаметно исчезла за излучиной реки, растворившись, как предутренние привидения.

Работники не разговаривали друг с другом — они лишь совершали мерные движения. Они напоминали стежок за стежком на швейной машинке: ровные, без единого пропуска нити. Казалось, каждый из них слышал внутренний голос этой тихой, слаженной работы.

— Мы добываем рассыпное золото, оно здесь лежит неглубоко, — вполголоса заговорил дед. — Был у нас бригадир, геолог-разработчик, ему и принадлежит открытие этого места. Он всегда приговаривал: «Копай, копай, шевели жилами!» — и при этом даже немного пританцовывал. И, правда, мы копали и копали, пока не вынесли весь красноватый грунт.

Раздался голос команды, и кто-то из людей прыгнул в траншею, исчезнув из виду. В тот же миг из леса вышли новые люди с лотками в руках. Оказывается, все окрестные земли были обитаемы: повсюду сновали сущности — то ли люди, то ли сущности, на них похожие. Исчезнувший человек вынырнул с комьями грунта, в которых тускло поблескивали желтоватые зернами. Это была почва вперемишку с булыжником, отдающая благородным золотым блеском.

— Нашли! — закричали кузнечики и стали прыгать и громким голосом звать исчезнувших за рекой, товарищей. Их крики тоже были слаженными, будто отрепетированными загодя. Радостный скрежет кузнечиков слышали сумрачные горы таежных гор. Приземистые и темные, они совсем не походили на яркие горы с солнечных откриток.

— Наши ребята вернутся с радостью, мы услышим добрые вести! — взволнованный Цодек сверкал глазами, как светлячок в кустах. — Они обязательно найдут золото!

— Золото! Золото! Рыжё, рыжики! Голд, голделе! — на разных языках, с разным нажимом выкрикивали радостные голоса. Гул и шум этого ликования на мгновение перекрыли даже грохот работающей драги.

— Да здравствует Иван Петрович! Ваня, ты слышишь? — кричали кузнечики в небо. — Ты слышишь, брат? — и пустые одежды плясали, радостный скрежет висел под небом.

Я понял: они звали своего бригадира — того самого товарища, который когда-то открыл это месторождение и нанес золотоносные жилы на карту ещё при их общей земной жизни.

Вскоре со стороны гор раздалась ответные приветственные крики: ушедшие товарищи услышали шум ликования. К этому времени у самого берега уже вовсю ухала работающая драга. Она безостановочно черпала безразмерным ковшом обсыпанную первой бригадой землю. Помните первую бригаду, которая копала и кайлила у самого берега? Я и не заметил, как молниеносно вся земля исчезла в реке. Теперь первая бригада стояла в ожидании: по релейной бегающей ленте струилось намытое золото. Оно стекало к берегу, в заранее подготовленные глубокие емкости-сетки, и я уже видел первый драгоценный блеск. Драгой управлял такой же человек-оболочка — он был как все. Я маниакально повторяю это слово, уж извините: все они, как вы помните, были

«чистокровными» кузнечиками, ставшими лишь наполнителями для человеческих одежд. И этот рабочий был не один: у него на закорках, прямо на шее сидела нимфа — крошечная дочурка. Маленькая, как пушинка или пылинка, в этот поздний час она не спала, а вышла с отцом на рабочую смену.

Я и представить не мог, насколько индивидуальными могут быть голоса у этих «оболочек». Момент любви к маленькой нимфе выявил их истинную тональность: все приветство-

вали малышку голосами, полными умиления, с посылом сердца, неприкрытой любви и мимолетного счастья. Словом, все вокруг восторгалось ею.

Заметив меня, девушка нырнула за воротник отцовской одежды и лишь время от времени тайком выглядывала оттуда своей острой любопытной головкой. Она явно застенялась и, наверняка, гадала: что это за ребенок среди взрослых? Чья она дочь? Если, конечно, она умела об этом думать. А счастливый отец своим гордым видом без слов говорил: «Все в этой жизни — только для дочки».

А на поле в это время происходило невероятное: оно полыхало, шевелилось редкими, но очень яркими зелёными огнями. Это свечение не было статичным — огни змеились и стремительно бежали по траве. «Вжик-вжик!» — отчетливо слышал я звуки ожившего поля.

—

Саламандры играют, — пояснил мне дед. — Они бегут в сторону драгоценных камней, к залежам изумрудов и золота. Настоящие живые компасы! Люди открывают дороги, размыкают губы запечатанной земли — расколдовывают, можно сказать, тайники с богатствами. И саламандры, видя это, разрешают пользоваться подземными источниками, указывая нам путь со всех сторон.

— А как люди узнают, вы же не люди дня? — неожиданно даже для самого себя спросил я, но дедушка промолчал, не услышал.

Мой дед, как и я, идёт по миру с доверием — я чувствовал это, даже когда он молчал. Доверие — это дрожащая, подобно желе, материя. И, как желе, оно состоит из множества простых и в то же время разных элементов. Чтобы лишний раз не всколыхнуть его, нужны осторожные, честные, едва касательные движения. Люди-оболочки живут этим доверием: именно поэтому они остаются живыми — всегда и при любых обстоятельствах.

— Пойдем, посмотрим на саламандр, — позвал дед.

И мы пошли на эти зелёные огоньки. Под нашими ногами шуршала трава, а мимо, в сторону гор, реки и уснувших долин, стремительно бежали живые изумрудные змейки.

— Как называется местность, деда?

— Это северная земля, внук. А река эта — Колыма; правый её рукав — Яна, а южный приток — Алдан.

От этих названий у меня слегка закружилась голова. Как мы попали сюда? Как я здесь очутился? Не помню ничего. . . А ты — ты помнишь? На одном из отрезков моих дорог я вдруг осознал себя здесь. Я тебя вспомнил и позвал — из ниоткуда взявшимся внутренним сознанием. Вспомнив тебя как дедушку, я пошёл следом. Впереди меня шел человек-сновидец, но на каком-то повороте он исчез, и вместо него я увидел всех вас в поле. И среди них был ты. Ты ведь пришёл на мой зов, верно?

— Это не сон был. Сновидец спит, а ты — нет. И я самый что ни на есть настоящий! — дедушка рассмеялся радостным скрежетом, потирая и немного заламывая руки. Мы шли плечо к плечу, проникая в сердца друг другу сокровенным родством душ. Саламандры затухали, гасли зелёные огни, и последняя змейка исчезла под моими ногами. Даже драга ухала уже не столь победительно. Чувствовалось, что работа завершается; предутренняя тьма начала отступать.

— Пospешим, скоро рассвет. Надо сдать смену и подбить баланс: сколько намыто первого золота. Внук, сегодня знаменательная ночь — ночь первого добычи по карте нашего Вани, Ивана Петровича. Тем самым мы отдали долг памяти замечательному человеку и всем нашим братьям по труду. Ведь мы были скитальцами, пришельцами, пропадавшими в неизвестности напрасного труда. Но теперь эта земля не замкнет губы перед людьми. Она и до нас открывалась, ты увидишь это позже. Помни: сейчас тысяча девятьсот сорок седьмой год. И я работаю в сорок седьмом уже третью смену — а по моим подсчетам это длится многие годы. Здесь время утекает иначе.

За разговорами с дедом я не заметил, как стали иссякать прозрачные белые слои летней ночи. Белая северная ночь вздохнула, уступая место сверкающему летнему дню. Солнце ещё не вышло, но его лучи-спицы уже катились нам навстречу. Край неба подсветило розовым, словно выстилая дорожку перед выходом светила. И всё же этот молочный рассвет назывался ночью, и мы все ещё пребывали в ней. Где-то пискнула первая птица, пробуя голос. Драга смолкла, растворяясь в белом полотне плотного воздуха над рекой. И нимфа уплыла вместе с отцом — спать детским сном.

Я много говорю? Долго ли, коротко ли, но я вострепнулся от сырости и оглянулся вокруг. Глянул окрест и увидел: траншеи, ямы и все вырытые углубления приняли свой первоначальный вид — будто ничего и не было. На местах предыдущего прорастания просыпались цветы, их свернутые лепестки уже были готовы раскрыться.

Потому я не особо удивился, когда оболочки людей окончательно превратились в кузнечиков. Они тянули, распрямляли натруженные лапки, всячески занимались физическим восстановлением своих тел. Прыгали, кувыркались, всем телом до самой земли — совсем как люди. И мой родной дед стоял рядом: весь зелёный, близкий и усталый.

А куда же делось намытое золото? Оно стояло в бочонке — тяжелое, надежное и готовое к транспортировке. А человек-сновидец исчез. Человек обыкновенный, мускулистый и в своем теле исчез.

Впрочем, мне не пришлось долго ломать голову над судьбой добытого золота. Я просто-душно любовался зернами разной величины — зернами богатства и непростой доли тех, кто откроет их или станет ими владеть в будущем. Зернами одиночества. Любовался не я один — все любовались. Затем бочонок запечатали, повалили на бок и покатали в сторону светлеющего леса. её толкали двадцать самых крепких кузнечиков. Как я понял, маршрут проходки был выстроен уже давно.

— Мы возвращаемся в наш дом-музей, — пояснил дедушка. Он даже не сомневался, что я иду с ним, с ними.

— Почему дом-музей?

Да потому что все там заставлено разными редкостями. Бесплатными. Поедим, поспим, отдохнем, а там будем думать, куда кости кинуть. Ты не бойся: в подземельях тоже счастье

есть. Что на небе, то и на земле, и под землей. Ты своим появлением полностью изменил мою жизнь, сейчас все повернется на сто восемьдесят градусов. — Не бойся, — он сжал лапками мою руку и привел в то самое загадочное место — музей, который в просторечии называется просто норой.

Через довольно-таки узкий лаз протолкнули бочонок, и внутри его приняли чьи-то невидимые поначалу руки. Вслед за грузом вошли и мы. Спустились по крепким деревянным ступеням вниз и оказались в настоящем подземелье. Здесь нас встретили другие кузнечики — собратья нашего отряда. Они заметно отличались от тех, что были снаружи: выглядели более возрастными, что ли. Немного болезненными, а поэтому они остались при хозяйстве, подумал я.

Внутреннее убранство жилища кузнечиков напоминало крошечный городок со своими улицами, домами и, возможно, даже названиями улиц. Я попал в общую комнату одного из домов, где жил мой дед вместе с несколькими кузнечиками. Здесь стояли в ряд недалеко друг от друга кровати — спальня, я понял, и маленький отсек, где принимают еду, моются, готовят и делают свои скромные дела. В другой комнате стояло некое подобие музыкального инструмента — то ли пианола, то ли фортепиано. Рядом присутствовал миниатюрный книжный шкаф. Словом, это была полноценная квартира в отдельно взятой стране кузнечиков. Удивительно, но при всей территориальной близости, каждый сохранял свои границы. Городок, в котором у каждого был свой мир.

Быт кузнечиков, я, разумеется, разглядел другим, внутренним оком, который привык к человеческому уюту. Сообразно человеческому вкусу, я и описал своё впечатление. На самом же деле другой мой глаз видел иную картину: подземелье, набитое бочками с золотом, пронумерованными человеческой рукой. Ряд в ряд стояли бочки с датами: «1932», «1935» и далее, вплоть до нашей, «новоприбывшей», которая, вероятно, получит свой шифр и год. Странное дело: то ли погреб, то ли подземный бункер, но он и был домом-музеем моих новых знакомых и моего дедушки. Спустя время, кузнечики стали разбредаться по своим ячейкам, следуя только им известным тропочкам. А я внезапно почувствовал своим нутром, что мне надо выйти наверх,

туда, где моё солнце, воздух и вода — туда, где я настоящий. В этот миг раздался громкий скрежет. Голос из громкоговорителя, раздавшийся по всему городку-норе, прозвучал для меня предельно честно: «Смена окончена. Посторонним пора на выход. Просим освободить помещение». Я физически ощутил, как уходит время. Лица кузнечиков отчуждались; некоторые даже перестали меня узнавать. Один за другим мои ночные товарищи исчезали в лабиринте троп. На моих глазах они превращались в обычных подземных насекомых, которые двигались словно в летаргическом сне.

Меня охватил испуг, а вдруг и дедушка перестанет меня узнавать? Как я выберусь отсюда, и проводит ли он меня к выходу? Словно услышав мой немой вопрос, он тотчас же обернулся своим светящимся в темноте ужаса и всеобщего надвигающегося сна лицом и тихо сказал: «Задержись немного», — и исчез. Вслед ему мигнули настенные светильники, удивительным образом висящие в воздухе.

Вскоре он вернулся с маленьким свертком. Когда он развернул его, я увидел знакомую мне коробку с ремешками — точно такие же я видел когда-то на десяти кузнечиках, которые растаяли как подземный дым. Я наивный подумал, что дед отсыплет мне немного золота на дорогу. Но он предостерегающе поднял лапку и сказал, снова смеясь:

— Все богатства мира и так твои! Зачем тебе, достойному парню, горстка этого золота? Не бери здесь ничего, иначе тебе придётся снова вернуться. У тебя есть все, а у здешних — всего лишь много. Разницу улавливаешь? Я тебя сейчас провожу, и мы с тобой, вероятно, больше не свидимся, — он тяжело вздохнул, и из глаз его вместе со вздохом выкатились крохотные слезинки.

Слёзы и улыбка стары как мир. Люди и все человеческие существа всегда смеются и плачут, и эти искренние капли дороже всех сокровищ земли. Я вытер слёзы деда, сам едва живой от горя, и поспешил к выходу. Мы едва успели: в темноте кое-как нащупали лестницу и, когда наконец выбрались наверх, оказалось, что там уже зима. Настоящая зима.

С неба падал робкий снег — он будто только пробовал свои силы перед настоящими снежными хлопьями предстоящей стужи. «Пробный» снег не задавал вопросов, но он всё же захлестнул нас со зрелой силой. Я оглянулся вокруг и не увидел ничего: метель и быстрое местное время проглотили все вокруг. Вход в подземелье исчез — норы больше не было.

Тут дедушка подскочил ко мне — он двигался своим крохотным шагом, став теперь настоящим кузнечиком. Задыхаясь от скорого бега, поторопил быстрым шепотом:

— Поскорей, парень, поскорей! Река закрывается — опоздаешь!

Скрежеща так, поскакал впереди, указывая путь к реке. А она уже была вся сплошная снежная страна внутри страны — без признаков дороги. До противоположного берега было далеко.

Мы стояли на берегу. Дедушка трижды обернулся вокруг себя, и его крохотный силуэт начал таять, пока не исчез совсем. Вместо него выплыл контур человеческой фигуры, а из него вышел дед, как из драгоценной рамы. Смущенно и кротко шагнул мне навстречу. Передо мной стоял юноша с лицом, влажным то ли от снега, то ли от слез; зелёные в коричневых крапинках глаза тоже были полны влаги. В темном немятом костюме и тоже немятой кепочке на голове. Дед будто вышел прогуляться по проспектам больших городов, — туда, где тренькают трамваи, а в воздухе вкусно пахнет ароматами мучной радости и напитками, где под ногами расхаживают ещё и важные голуби. Несомненно, на этих улицах должны быть заведения с выпечкой из хорошей муки.

Дед улыбнулся мне сквозь влажные ресницы и вложил в руку тот самый сверток:

— А теперь — прощай, — произнес он тихо. — Счастье, что довелось мне свидеться с тобой. Не возвращайся душой в эти земли, даже если тоска по мне станет невыносимой. Сейчас ты перейдешь на тот берег и там поймешь, куда дальше идти. Встретятся на твоём пути другие добрые сновидцы, следуй за ними. Ничего не бойся, ну иди же, беги!

И я побежал. Боль расставания жгла не только душу, как говорят в подобных случаях, но и мороз нещадно кусал лицо. Я обернулся в последний раз: дедушка все ещё стоял там, на берегу другой судьбы, провожая меня взглядом.

Я снова побежал и опять оглянулся, но дедушки уже не было. Тогда я закричал во весь голос, призывая его по царскому имени: «Давид! Давид, где ты?» В невыносимой тоске я бросился назад, выкликая деда в густом уже морозе. Впереди была лишь ослепляющая белизна, но вдруг мой взгляд выхватил из холодного равнодушия снегов еле различимую точку. Она двигалась навстречу мне! Я бежал к ней и боялся плакать в полную силу: откуда-то знал, что слёзы мгновенно превратятся в лед и я застыну ещё одной безвестной льдинкой. Точка приближалась и, к великому своему счастью, я разглядел в ней маленького истощенного кузнечика, который, видимо, был моим дедом. Код нашей крови подсказал мне: мы не бросаем друг друга в разных категориях жизни.

Я подбежал к дедушке, положил его в карман и бросился обратно через белое оцепенение. В реальном мире стоял тройной туман: из мороза, ночной тьмы и моего дыхания. Я громко благодарил Бога за чудеса, за свою интуицию и зоркий глаз. Я видел деда — не переломанного, не искалеченного смертельным холодом. Лед и пламень — не пустые слова: кто не испытывал на себе настоящего мороза, тот не поймет. Я бежал, в кармане моем отходил от холода дед, а позади, с оставленного берега, доносились невнятные голоса. Сквозь них и неясных криков отчетливо слышался ещё и топот копыт неведомых существ — погоня иных миров. Но я был счастлив: в моем кармане было тепло, и дедушка точно не замерзнет, я это точно знал.

— Давид, ты как?

— Я тут, — тихо закрипел дед и лапкой легонько зашевелил в знак живости.

Звезды — вечные знакомцы всех ночных путников — мерцали нам вслед и щелкали светом в дуэте со снегом. Снег искрился под нашими ногами миллиардами звездочек, словно само небо их рассыпало по земле. Я бежал по живым звездам, ледяной туман был моим спутником, а в душе плясал полный восторг, потому что в кармане отогревался мой Давид. Я знал, куда бегу. Мы бежали в новую реальность — туда, где есть все времена года, где чередуются солнце и луна. Свет и тьма, а главное — дневные заботы среди людей. Целый мир людей! И мой дед будет расхаживать среди них, совсем непохожий ни на кого, но настоящий. И я буду рядом с ним. И бог помог нам — маленький бог, написанный с маленькой буквы, потому что я и сам невелик, и он стал для меня таким же близким и маленьким. Вскоре ноги вынесли меня на тот берег. Сквозь снежные занавеси из букета деревьев и ажурного тумана проглядывали очертания нескольких домов, я выбрал тот, что поближе. ещё меня вдохновило то, что в этот поздний час из печной трубы поднимался едва заметный серый дым, а окна дома глядели уютным оранжевым светом на снег, а значит, и на нас. Дом сразу вошёл в моё сердце. Около него на свободном выгуле паслись лошади и коровы. Вокруг было тихо-тихо, лишь снег скрипел под моими ногами. Лошади чутко водили ушами, а одна из них — плотный здоровяк — вздорно и агрессивно стрельнула в мою сторону из-под густой заснеженной челки и громко всхрапнула. Впоследствии меня постоянно спрашивали: как же я не утонул в тех глубоких снегах? Во-первых, я маленький. А во-вторых, снег ведь тоже живой и меняется постоянно; одно из его превращений — перехода свежего снега во вторичный снег, и он называется наст. Именно по крепкому насту я бежал тогда. Северный человек бежал по северной земле. Наверное... А второй часто задаваемый вопрос в моей хронике: как же я не замерз? Отвечаю: на мне была одежда, подбитая теплой ватой, и валенки по размеру. Возможно, такие до сих пор валяют для кукол. Эта одежда оказалась на мне в самый нужный момент, в моё личное время. Так я благополучно пережил все пятьдесят градусов мороза, слушая в тишине щелканье

и шепот звезд, какие загораются в период великих холодов. Мы с дедом миновали лошадей, коров и собачью будку. Здешние животные были уроженцами этих мест и потому притерпелись к любым капризам природы, а особенно — к морозу. Их морды выражали кроткое терпение живых существ, генетически приспособленных ко всему. Собака, однако, испустила подобие полулая-полувздоха. На этот сигнал в окнах взметнулись тени людей. То был знак: пора входить. И я с волнением вступил в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.